

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейнана	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарбух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало историко-булгарской историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Коммунистическое значение футурологии	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Демббинский. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дювер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзлерг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

Виктор Федорович Семенов

ВОССТАНИЕ НА СЕВЕРЕ АНГЛИИ 1569—1570 гг.

(ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЙ В АНГЛИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА)

Восстание на севере Англии 1569—1570 гг. известно в буржуазной исторической литературе под названием «восстания северных графов»¹, поскольку во главе его стояли два наиболее крупных северных феодала — граф Норгумберлендский (из фамилии Перси) и граф Вестморлендский (из фамилии Невиль). Северное восстание рассматривалось и церковными и светскими историками как один из наиболее ярких эпизодов в истории религиозной борьбы в Англии XVI в., когда католики всеми средствами стремились удержать свои позиции на севере, где протестантское влияние еще было недостаточно сильным². Однако уже в некоторых буржуазных исследованиях начала XX в. обращается внимание на социальную сторону этого движения, в частности на вопрос об участии в движении северного крестьянства. Так, в статье английской исследовательницы Рейд «Восстание графов 1569 г.» названное движение трактуется как народное движение (a popular movement)³. Рейд делает попытку объяснить, почему крестьянство севера так легко и быстро присоединилось к восстанию «мятежных графов». Однако роль крестьян в движении 1569—1570 гг. в статье показана недостаточно; Рейд не вскрыла противоречий, обнаружившихся в ходе восстания между феодалами и крестьянами.

Некоторый шаг в разработке вопроса о Северном восстании был сделан американским исследователем Лепсли в его статье «Проблема Севера» (очерк из истории английских северных пограничных графств)⁴. Автор рассматривает социальное и политическое положение на севере между двумя восстаниями 1536—1537 и 1569—1570 гг., объясняя причины сохранения Северным краем своей автономии даже во второй половине XVI в., после подавления Генрихом VIII первого из указанных двух северных восстаний. Сравнительно большое внимание восстанию 1569—1570 гг. уделено Блэком в работе «Царствование Елизаветы», входящей в серию «Оксфордская история Англии»⁵. Нетрудно заметить эклектизм в концепции Блэка по вопросу о восстании 1569—1570 гг. С одной стороны, Северное восстание представлено в традиционном

¹ R. R. Reid. The Rebellion of the Earls, 1569 Transactions of the Royal Historical Society, vol. XX, London, n. s., 1906

² Работы Диксона, Фрауда, Крейтона и др.

³ R. R. Reid The Rebellion of the Earls, p. 171.

⁴ G. T. Lapsley. The Problem of the North.—«The American Historical Review», vol V, 1900

⁵ J. B. Black. The Reign of Elizabeth, 1558—1603. Oxford, 1936, ch. IV.

освещении прежде всего как аристократическое и католическое движение, в котором народные массы слепо шли за своими «природными вождями» — северными лордами. Но, с другой стороны, Блэк все же дает некоторый социально-экономический анализ английского севера середины XVI в., стремясь вскрыть черты пагариархальности в отношениях между северными лордами и их держателями. Все же главный мотив очерка Блэка о Северном восстании 1569—1570 гг.— это показ «энергичной» политики правительства Елизаветы, дифирамб Тюдоровскому абсолютизму, значение и успехи которого автором откровенно идеализируются.

В своей книге «Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в.»¹ мы имели возможность довольно подробно анализировать раннее Северное восстание 1536—1537 гг., известное под названием «Благодатного паломничества». При анализе этого движения нами с одной стороны подчеркивался сложный состав участников «Благодатного паломничества», а с другой — показывалась большая активность народных масс и, в то же время, вскрывались конкретные противоречия между феодалами и крестьянами, выявившиеся в ходе борьбы. Эти противоречия, в конечном счете, и привели движение к быстрому поражению, несмотря на его большой размах и на наличие искренней ненависти населения Севера к королю и его лондонскому правительству. Нам кажется, что и в движении 1569—1570 гг. внимание исследователя должно быть сосредоточено прежде всего на этих же моментах. В связи с этим, в настоящей статье нам хотелось бы, на основе имеющихся в нашем распоряжении источников², выяснить: 1) конкретное участие крестьянских и других народных масс в Северном восстании 1569—1570 гг.; 2) конкретные пункты расхождения между феодалами и крестьянами в ходе общей борьбы против правительства Тюдоров и 3) тяжелые последствия для крестьянства севера Англии поражения восстания и ответного террора тюдоровского дворянского правительства, направленного, в первую очередь, именно против «простых людей», против массы северных крестьян-держателей.

1

Обширный английский север, включавший в себя ряд северных графств: Йоркшир, Дерхем, Нортумберленд, Вестморленд и Кемберленд,— во второй половине XVI в. занимал своеобразное положение среди других частей английского королевства. В экономическом отношении край был явно отсталым, по сравнению с более развитыми центральными и южными графствами. Промышленность — главным образом сукноделие — была лишь частично развита в некоторых районах Йоркшира (преимущественно в Вестридинге), частью в Дерхеме³. Сельское хозяйство велось типичными средневековыми методами. Производство сельскохозяйственных продуктов находилось почти целиком в руках крестьян — обычных держателей, плативших своим лордам традиционные обычные ренты. Сами лорды, как правило, на севере не имели собственного хозяйства, сдавая всю доменальную землю в аренду. Во многих

¹ В. Ф. Семенов Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в., Изд Академии наук СССР, 1949.

² Среди них на первом месте следует поставить сборник документов Шарпа: Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, London, 1840, p. 419.

³ E. Lipson. The History of the English Woollen and Woosted Industry. London, 1921, p. 26

северных манорах домениальная земля даже совсем отсутствовала¹. Большое экономическое значение на севере имели общинные угодья. Вследствие гористого, резко пересеченного ландшафта северных графств, здесь было особенно много не удобных для распашки земель, которыми, однако, можно было пользоваться в качестве пастбищ. На склонах гор, в заболоченных местах, на торфяных и вересковых пустошах можно было разводить скот — коров, лошадей, овец и др., — что было важным подспорьем для крестьянства в условиях недостатка пашни. Крестьянское хозяйство на севере носило в основном натуральный характер. Рыночные связи в графствах были узкими и местными. Этой узости и замкнутости отношений способствовало и бездорожье. Больших трактовых дорог здесь было очень мало. Отдельные села и деревни часто связывались лишь тропинками; во многих местах пришлому человеку на севере можно было продвигаться только с помощью проводников². В общем, север даже во второй половине XVI в. был слабо связан торговыми отношениями с югом Англии. Только немногие приморские порты, вроде Нью Кестля или Скарборо, торговали с Юго-Восточной Англией рыбой, солью, углем и т. п., но их торговая роль, по сравнению с Лондоном, Бристолем и Ливерпулем, была совершенно ничтожной³.

В целом, феодальные отношения на севере в 40—60-х годах XVI в. еще оставались господствующими. Процесс первоначального накопления, который в середине XVI в. в Центральной и Южной Англии принес уже свои осязаемые результаты в развитии капиталистического земледелия и скотоводства (капиталистическое фермерство), распространения капиталистической мануфактуры, роста влияния городской буржуазии и связанного с ней предпринимательского джентри, — в северных графствах еще только начинался. Однако уже и здесь некоторые признаки этого процесса были налицо. Об этом свидетельствовали жалобы крестьян севера частью еще до первого Северного восстания, а особенно после него, в середине столетия. Крестьяне жаловались на рост вступительных платежей — грессумов (соответствующих фэйнам в других графствах Англии). Грессумы, которые приходилось уплачивать новому держателю (по смерти его предшественника), стали превосходить в несколько раз годовую обычную ренту⁴. Рядом с обычной («старой») рентой практиковалась и новая рыночная рента (особенно при сдаче участка из домениальной земли), которая также была значительно выше старой и обычной ренты⁵. Происходили на севере и захваты общинных угодий, частью в целях превращения их в охотничьи парки, частью в хозяйственных целях теми землевладельцами, которые пытались извлечь из своих владений наибольшие доходы⁶.

Ко времени второго Северного восстания главными носителями новых методов эксплуатации на севере явились пришлые джентльмены из Лондона и других южных графств, к которым перешли земли, частью секуляризованные у местных монастырей, частью конфискованные из владений тех представителей местного дворянства, которые наиболее скомпрометировали себя во время восстания «Благодатного паломничества». Это

¹ R. H. Tawney. *The Agrarian Problem in the sixteenth Century*. London, 1912, p. 203

² H. C. Darby. *An Historical Geography of England before 1800*. Cambridge, 1936, p. 180

³ Там же, стр. 200.

⁴ В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения, стр. 227—228.

⁵ R. H. Tawney. *The Agrarian problem in the sixteenth Century*, p. 303—305

⁶ В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в., стр. 200—206.

новое пришлое протестантское джентри обычно получало также от Тюдоров и различные должности в крае — комендантов замков, управляющих королевскими доменами, членов коронных судов и т. д. Эта прослойка «нового дворянства» на севере заметно укрепилась к 60-м годам XVI в., возбуждая к себе ненависть как со стороны старой местной знати и связанного с последней местного католического или прокатолического джентри, так и массы крестьян держателей, видевших в «людях из Лондона» своих наиболее жестоких эксплуататоров, не считавшихся со старыми обычаями и не заинтересованных в сохранении мелкого самостоятельного и независимого крестьянства¹.

Феодалная знать севера к 60-м годам XVI в. была уже достаточно ущемленной в своих привилегиях правительством Тюдоров. Ее политическое положение было двойственным. С одной стороны, знать владела еще многочисленными землями, имела в зависимости от себя не только крестьян-держателей, но и джентльменов в качестве своих вассалов (*retainers*) занимала высшие должности губернаторов пограничных марок (*Wardens of the Western and Eastern Marches*), имела в своем распоряжении укрепленные замки, обладала правом созывать ополчение против шотландских набегов и т. д. С другой стороны, реальная власть в крае все более переходила к Совету севера, в котором тон задавали пришедшие лорды и сам председатель его, назначавшийся из Лондона, играл фактически роль вице-короля для всех северных графств². Правительство старалось противопоставить местным шерифам и мировым судьям своих лондонских чиновников, в руки которых передавались сбор налогов, наиболее ответственные судебные дела и военные поручения. Опорой Тюдоров в Северном крае, кроме нового протестантского, большей частью пришедшего джентри, было также послушное королю англиканское духовенство, которое при поддержке правительства закрепляло свое влияние на Севере, прежде всего в городах, а затем и в сельских местностях³.

Характерно экономическое разорение местной знати в XVI в., доходы которой, состояли из традиционных рент и грессумов, почти не увеличивались, а в отдельные годы — в связи с недородами и политическими осложнениями, даже сокращались. Как было указано выше, лорды севера не занимались сами хозяйством. Доходы с занимаемых ими государственных должностей, — фактически все более превращавшихся в номинальные, выполнявшиеся часто бесплатно, — также не могли поправить бюджет северной знати. Наиболее крупные феодалы Севера — граф Нортумберлендский и граф Вестморлендский — ко времени второго Северного восстания 1569 г. были в больших долгах⁴. Эта фактическая нищета крупнейших северных феодалов, сочетавшаяся с мотовством и роскошью их жизни, которая должна была соответствовать их «высокому положению», особенно бросается в глаза при сравнении с положением той части северного джентри, которое принесло с юга новые «коммерческие» взгля-

¹ R. R. Reid. *The Rebellion of the Earls, 1569*, p. 182—183

² G. P. Lapsley. *The Problem of the North.* — «*American Historical Review*», vol. V, 1900, p. 440—441

³ J. Strype. *Annals of the Reformation*, vol. I. London, 1824, p. II, p. 290 и далее.

⁴ Прокламация королевы Елизаветы против северных графов от 24 ноября 1569 г. (J. Strype. *Annals of the Reformation*, vol. I, p. II, p. 316).

Ср. также памфлеты против «мятежников-папистов», написанные по заказу правительства в 1569—1570 гг.: «*To the queen's deceived subjects*» (1569) и «*A warning against the dangerous parties of the papists*» (J. Strype. *Annals of the Reformation*, vol. I, p. II, p. 338—344).

ды и устремления и которое цепко держалось за полученные им на севере земли и должности, стремясь выжать из них все, что было можно, для своего хозяйственного благополучия.

II

Прошло десять лет с начала царствования Елизаветы Тюдор. За это время протестантская англиканская церковь была окончательно признана в Англии в качестве государственной (Established) церкви. Представители нового дворянства, частью уже носившие титулы лордов — граф Лейстер, граф Бедфорд и др. — частью выступавшие еще как скромные джентльмены-рыцари, вроде сэра Роберта Сесилия, государственного секретаря, фактически игравшего роль первого министра при Елизавете, — были у власти, оттеснив на второй план более родовитые феодальные фамилии. Во главе последних стоял герцог Норфолькский, остававшийся единственным герцогом Англии в это время и претендовавший, в силу своего родства с династией Тюдоров, на положение «второй персоны» в королевстве (после Елизаветы). Герцога поддерживали графы Арундель, Лэмли, Пемброк и другие лорды, стремившиеся, в первую очередь, удалить с поста Сесилия, как наиболее ненавистную и опасную для них фигуру.

Феодальная оппозиция в Лондоне надеялась на поддержку западных и северных католических и прокатолических феодалов. Оппозиция рассчитывала также на иностранную помощь. Филипп II Испанский, французские Валуа, Мария Шотландская, Римская курия фигурировали в планах знати как возможные союзники и соучастники государственного переворота. Графы вначале не стремились к низложению самой Елизаветы, популярной среди членов парламента, горожан и джентри, они надеялись вернуть свое влияние в управлении при помощи назначения наследника и соправителя Елизавете. Кандидатуры предполагаемых наследников в лице Марии Стюарт, происходившей тоже из дома Тюдоров, или какого-нибудь иностранного принца-католика, за которого должна была выйти замуж Елизавета (среди них назывался и Филипп II), открывали для знати перспективу снова взять под контроль центральное управление и расправиться решительно с новыми людьми «низкой крови»¹.

Узко-сословные, антинациональные и реакционные по своему характеру планы феодальной оппозиционной знати не встречали в стране сочувствия. Ни широкие круги джентри, ни городская буржуазия, ни крестьянство основных частей Англии не поддерживали феодалов в их децентрализаторской политике. Напротив, расчеты феодальной оппозиции на иностранные силы в лице испанского короля и папства возбуждали в стране решительные протесты, в частности, со стороны английского парламента.

Отношения Англии с Испанией в 60-е годы принимали все более враждебный характер. Действия герцога Альбы в Нидерландах, клонившиеся к тому, чтобы превратить Нидерландские провинции полностью в испанский плацдарм на севере Европы, явно угрожали Англии как независимому государству. Альба стеснял и, в конце концов, запретил совершенно английскую торговлю с Нидерландами². В то же время массовый приток в Англию эмигрантов из Нидерландов, заход в английские

¹ J. E. Neale. Queen Elizabeth. London, 1938, p. 183.

² Calendar of State Papers Domestic Series, 1547—1580. Ed by Lemon London, 1856
p 326—327

порты кораблей голландских и фламандских гезов делали Англию фактически союзницей Нидерландских провинций в борьбе против испанского гнета, хотя Елизавета всячески старалась не обострять отношения с Филиппом и опасалась оказывать гезам открытую помощь.

В общее неустойчивое еще политическое положение Англии большое осложнение внесло прибытие шотландской королевы Марии Стюарт, бежавшей в мае 1568 г. от восставших против нее шотландских баронов. Мария надеялась получить от Елизаветы помощь против своих врагов. Но одновременно она претендовала на английское наследство и добивалась официального объявления ее наследницей английского престола. Появление Марии Стюарт в Англии окрылило английских феодалов, надевавшихся теперь противопоставить ее Елизавете. В течение 1568 г. феодальная оппозиция составила план провозглашения Марии Стюарт королевой Англии, в чем им должны были оказать поддержку Испания и папа. Одновременно были разработаны и два брачных проекта. Согласно одному из них Мария Стюарт должна была выйти замуж за овдовевшего к этому времени герцога Норфолькского. По другому проекту предполагалось выдать ее замуж за Филиппа Испанского.

Правительство Елизаветы в этих условиях вполне резонно решило задержать Марию Стюарт и изолировать ее от английской оппозиционной знати. Некоторое время Мария Стюарт была заключена в замке Карляйль в графстве Кемберленд, затем она была переведена в более южный замок Болтон, а 20 января 1569 г. ее перевезли в замок Тэтбери, находящийся уже недалеко от реки Трент, разделявшей по традиции Северную Англию от Южной¹.

В 1569 г. правительство имело в своих руках достаточно доказательств, свидетельствующих о заговорщической и изменнической деятельности оппозиционных графов. Осенью 1569 г. правительство произвело ряд арестов среди оппозиции. В числе арестованных оказались и герцог Норфолькский с графами Арунделем, Лэмли и Пемброком². Эти аресты внесли явную дезорганизацию в ряды оппозиции. Некоторые колеблющиеся лорды, ранее сочувствовавшие Норфольку, теперь держали себя по отношению к правительству лояльно. Западные католические лорды Ланкашира и Уэллса проявляли пассивность. Только на севере, где социальные и политические отношения к этому времени наиболее обострились, оппозиционное движение, до этого бывшее скрытым, вырвалось наружу и превратилось во второе Северное восстание против Тюдоров. Во главе его стали первые по своему влиянию в Северном крае лорды-графы Томас Перси эрл Нортумберлендский и Чарльз Невиль эрл Вестморлендский.

В течение октября — начала ноября на севере были организованы встречи и совещания групп местного дворянства. Часть совещаний происходила во время специально приуроченных к этому охотничьих выездов. Более важные совещания заговорщиков созывались в замках графов. Феодалы собирали оружие, приводили в боевую готовность отряды из своих слуг, укрепляли свои маноры.

Одновременно заговорщики находились в переписке с испанскими и папскими агентами. Среди заговорщиков возник план освободить Марию Стюарт и перевести ее снова на север, где она была бы провозглашена королевой. Кроме графов, к заговору примкнули в качестве активных сторонников другие представители северного дворянства — Нортоны,

¹ J. V. Black. The Reign of Elizabeth, 1558—1603, p. 86.

² Графы через некоторое время были освобождены, но герцог Норфолькский был подвергнут чрезвычайному государственному суду и казнен в июне 1572 г.

Темпесты, Суинборны, Маркифельды, Денби, задававшие тон в местных феодальных кругах, преимущественно Северного Йоркшира и Дерхема¹.

Вначале правительство в Лондоне не придавало большого значения слухам о готовящемся выступлении северных графов. Сам наместник Севера, председатель Северного совета, находившегося в Йорке, лорд Сессек уверял правительство, что в крае спокойно. Однако слухи подтвердились. Тогда правительство потребовало, чтобы графы явились в Лондон. Несмотря на то, что приглашения были посланы лично от имени королевы и в них не содержалось какого-либо обвинения, графы сначала оттягивали ответ, а затем 10 ноября категорически отказались поехать в Лондон². Однако даже и после этого Сессек недооценил опасность, полагая, что графы не встретят широкой поддержки и, в конце концов, либо ограничатся отсиживанием в своих замках, либо убегут за границу³.

На самом деле движение на севере в 1569 г. приняло более широкий характер, чем полагал не особенно дальновидный Сессек. К движению примкнуло большинство местного католического или сочувствовавшего католицизму джентри. Кроме того, в движение вступили и крестьяне-держатели. За короткое время у графов оказалось до 7000 чел. вооруженных сил, из них около 1600 чел. было конницы и 5—6 тыс. пехоты⁴. Последнюю составляли почти сплошь крестьяне-держатели, частично слуги графов и других более крупных дворян. Конница состояла из джентри, и из некоторого количества наиболее обеспеченных крестьян. На некоторое время обширные районы северной части Йоркшира (Норсридинг и Ричмондшир), а также Дерхема приобрели снова необычный вид, напоминавший 1536—1537 гг. По дорогам и полям непрерывно двигались кавалькады всадников в составе нескольких десятков и даже сотен человек. В крае царило большое возбуждение. Протестантское джентри ждало погромов и с своей стороны лихорадочно укрепляло свои жилища, мобилизовало охрану своего имущества и старалось держать, где было возможно, связь с Йорком и ближайшими административными пунктами⁵. В деревнях на местных колокольнях били в набат. На высоких местах зажигали особые костры (beacons), как сигналы к восстанию.

Застигнутый врасплох Сессек мог противопоставить восставшим ничтожные силы в количестве всего 400 человек конницы и некоторого количества пехоты. Но последней наместник не доверял, опасаясь перехода ее на сторону восставших. Попытка провести на севере Йоркшира срочную мобилизацию не удалась, так как поддерживавшее графов джентри и, особенно, держатели отговаривались от службы, ссылаясь на дурную погоду⁶. Наиболее крупный замок в Норсридинге — Барнард (построенный еще в XII в.), во главе которого стоял сэр Джордж Баус, одно из близких лиц к наместнику, имел гарнизон всего из 200 чел. и скоро был обложен восставшими. Баус жаловался, что замок не имеет достаточных продовольственных запасов, но особенно его удручало дезертирство значительной части гарнизона, перешедшей на сторону неприятеля⁷. Пока

¹ J. B. Black. The Reign of Elizabeth, 1558—1603, p. 106

² Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 20. Письмо Сессека к Тайному совету от 10 ноября 1569 г.

³ Там же, стр. 23.

⁴ В действительности, войска у повстанцев было даже больше, но оно было текучим. У лордов не было организовано продовольственных запасов и ополченцы-держатели должны были сами ходить за хлебом в свои деревни.

⁵ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 36—37. Письмо Бауса — Сессеку от 15 ноября.

⁶ Там же, стр. 52—53.

⁷ Там же, стр. 53—55. Баус — Сесию от 19 ноября

происходила осада Барнарда, повстанцами был захвачен один приморский порт Хатлепуль. Предполагалось, что в этот порт Альба пришлет свои войска, и может быть, даже явится туда лично.

14 ноября графы с своими многочисленными приверженцами захватили епископский город Дерхем. В дерхемском кафедральном соборе повстанцы восстановили католические порядки; католические священники отслужили им старую мессу на латинском языке. Английская библия и английские протестантские молитвенники были выброшены, частью уничтожены, разорваны на куски. После мессы был устроен торжественный крестный ход, во время которого, кроме большого креста, несли знамена с изображением «пяти ран Христа» (эмблема восстания «Благодатного паломничества» 1536 г.) и еще одно оригинальное знамя с изображением на нем плуга с надписью «Бог помогает пахарю», что явно свидетельствовало об участии в движении местного крестьянства¹.

Из Дерхема восставшие отправились в Ричмонд, который на известное время стал играть роль главного пункта повстанцев. В Дерхеме, Ричмонде, Дарнтоне и других местах, в которых собирались или через которые проходили повстанцы, ими было опубликовано от имени графов несколько прокламаций, обращенных к населению, в которых излагались мотивы восстания и содержался призыв к «народу Севера» помочь графам восстановить доброе положение в королевстве. В прокламациях графы поднимались против «злонамеренных людей, окружающих королевское величество» (имелись в виду Сесиль и другие королевские министры), подчеркивая, что они являются «истинными и верными подданными королевы». Прокламации заканчивались традиционной формулой: «Боже, храни королеву». Главное обвинение по адресу правительства состояло в том, что оно уничтожает старую религию и хочет истребить старую знать (*the destruction of the Nobility*). Но в то же время прокламации старались привлечь к движению и народные массы под лозунгом восстановления всех старых обычаев и вольностей (*with the restoring of the ancient customs and liberties*). Графы заявляли, что они вынуждены подняться, чтобы сопротивляться силой против силы (*to resist force by force*), что они могут добиться своих целей «при помощи божьей и при помощи вашей, добрые люди» (*by the help of God and of you, good people!*). Таким образом, прокламации были составлены в явно демагогических тонах. Крестьянские массы могли толковать их и понимать как обещание восстановить полностью старые общинные обычаи и права². В прокламации, изданной 16 ноября в Дарнтоне, графы объявляли всеобщую мобилизацию всего взрослого населения севера с 16 до 60 лет³.

Начавшись около середины ноября, восстание на севере продолжалось по северной части Йоркшира, Дерхема и пограничных с Шотландией графств (*Western Marches*) Нортумберленда, Вестморленда и Кемберленда. Хотя настоящей связи между отдельными охваченными восстанием местами не было, все же эти территории на некоторое время вышли из-под контроля лондонского правительства. Местные шерифы и многочисленные констебли перешли также на сторону графов. Правительственные гарнизоны сохранялись в некоторых окраинных замках (Карляйль, Бервик и др.), но вынуждены были держаться совершенно пассивно, ожидая помощи с юга. Сессекс некоторое время не предпринимал никаких

¹ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 41—43. Байс — Сессексу от 16 ноября с приложением текста прокламации

² Там же, стр. 42. См. также Stow. Annales. London, 1631, p. 669.

³ Там же, стр. 42—43.

активных операций, не будучи в состоянии помочь осажденному Барнард-ду даже малейшим отрядом.

Заговорщики в это время носились с мыслью захватить Йорк. Как уже указывалось, они придавали большое значение освобождению Марии Стюарт. Для осуществления последней цели был предпринят авантюрный план. Отряд дворян в несколько десятков человек прошел через весь Йоркшир на юг до Ноттингемшира, где пытался проникнуть в замок Тэтбери и освободить Марию Стюарт. Однако рейд закончился полной неудачей. 24 ноября Мария срочно была переведена из Тэтбери еще южнее, в замок Ковентри.

Восставшие могли убедиться, что в Средней Англии правительство подготавливает большие военные силы против Севера. Дворяне вернулись обратно в Ричмондшир обескураженные, потеряв веру в благополучный исход восстания. С другой стороны, обещанная испанская помощь из-за моря не прибывала. Альба был занят целиком нидерландскими делами. По некоторым сведениям, старый герцог вообще не придавал серьезного значения движению английских северных графов¹.

12 декабря восставшие одержали еще одну крупную победу. Пал замок Барнард. Возглавлявший оборону замка сэр Джордж Баус сумел уйти с небольшим отрядом из крепости. Но значительная часть гарнизона замка перешла, не сопротивляясь, к восставшим. Поместья Бауса, находившиеся в этом районе, были все захвачены крестьянами: хозяйственные постройки и прочее имущество частью было сожжено, частью растащено по домам держателей².

Но падение Барнарда было по существу последним успехом организаторов Северного восстания. К этому времени правительство уже направило на Север значительные военные силы. Несколько лордов, наиболее близких к Елизавете, пользовавшихся ее наибольшим доверием, — Клинтон, Хендсон и Сэдлер, — с войсками, наемными в южных графствах, вступили в пределы Йоркшира. 10—12 декабря они вошли в контакт с силами Сессекса³. Число прибывших войск доходило в общей сложности уже до 5000 человек, что вполне могло уравновесить силы мятежных графов, которые, хотя численно и превышали несколько еще королевские войска, но не были достаточно концентрированы, частью уже были деморализованы, покидали свои отряды и возвращались по домам⁴. Опасность для правительства миновала.

Для графов, однако, представлялась еще возможность продолжать борьбу. Народ — простые люди (*the common people*), по наблюдению самих чиновников Северного совета, продолжал сочувствовать графам⁵. Вместо одних расходившихся отрядов собирались другие⁶. Людские резервы на Севере были довольно значительны. Крестьяне-держатели здесь еще во второй половине XVI в. продолжали считаться военной пограничной охраной и были знакомы с оружием и элементарным военным строем.

Самая местность на севере, пересеченная, горная, перемежающаяся глубокими долинами, с плохими путями сообщения, легко могла быть использована восставшими для партизанской войны, которая в случае

¹ J. В Black *The Reign of Elizabeth, 1558—1603*, p. 107—108.

² Sharpe's *Memorials of the Rebellion of 1569*, p. 99—102. Донесение Бауса Сесилю от 14 декабря

³ *Calendar of State Papers. Domestic series*, p. 352—353.

⁴ Sharpe's *Memorials of the Rebellion of 1569*, p. 104. Письмо от 16 декабря.

⁵ *Calendar of State Papers. Domestic series*, 91—92. Письмо Сэдлера — Сесилю.

⁶ Еще 9 декабря графы снова подтверждали прокламацией призыв всех мужчин от 16 до 60-летнего возраста (Sharpe's *Memorials of the Rebellion of 1569*, p. 92—93).

необходимости могла бы затянуться на долгое время. Но графы и поддерживавшие их другие северные феодалы уже не хотели в это время продолжать войну. Они позорно бежали, покинув крестьян, доверчиво присоединившихся к ним. 15 декабря феодалы были еще в Дерхеме. На следующий день они отдали спешный приказ о демобилизации, предлагая всем ополченцам скорее расходиться по своим домам. 15 декабря феодалы были в Хексхеме (пункт к северо-западу от Дерхема за р. Тайном), далее они направились в Вестморленд к шотландской границе, которую и перешли 20 декабря¹. Отряд беглецов состоял приблизительно из 100 человек².

С одной стороны, на решение графов прекратить восстание и капитулировать повлияло прибытие значительных контингентов правительственных войск, доказывавшее, между прочим, что феодалы юга Англии выступали теперь против севера единым фронтом. Надежды на помощь со стороны «партии герцога Норфолькского» уже никакой не было. Большое значение для решения графов имело также отсутствие обещанной поддержки от Испании. Значительную роль в неудаче выступления северных графов сыграла и апатичность западных католических графов, явно опасавшихся выступать по той причине, что против них, в первую очередь, были бы направлены правительственные войска (запад был по сравнению с севером в этом отношении наиболее открыт для военных операций). Но несомненно важнейшей причиной капитуляции графов было их нежелание развить на севере революционную войну. Народные массы, хотя и призывались к борьбе против «негодных лондонских королевских советников», но их активное участие в движении графы и другие северные лорды в действительности совершенно не ценили. Главные надежды на успех лорды возлагали, как указывалось, на помощь феодалов и феодальных правительств извне. Использовать силы народных масс, охотно приходивших под их знамена, графы не решались, проявляя странную, на первый взгляд, пассивность в этом вопросе уже с самого начала.

Мы имеем ряд документов, которые проливают свет на эту тактику графов. Графы прежде всего совершенно не одобряли те выступления крестьян Севера, которые приняли форму нарушения крестьянами-держателями феодальных прав местных земельных собственников³.

В одной из прокламаций, обращенных специально к английской знати, «мятежные графы» подчеркивали, что их выступление чуждо каких-либо разрушительных целей («как это утверждают их враги, говорящие, что будто графы Нортумберлендский и Вестморлендский готовы ниспровергнуть государство и корону»), что, в действительности, наоборот, «целью их (графов) является предупреждение кровопролития и гибели королевства». Характерно, что эта прокламация заканчивалась подчеркнутым аристократическо-олигархическим лозунгом: «Боже, храни королеву и знать»⁴.

Интересен другой документ графов — прокламации к крестьянам Дерхема от 12 декабря 1569 г., — в которой графы требуют от держателей Дерхемского епископа (притом англиканского) лояльного выполнения

¹ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 112—113.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 186—187. Из донесения Бауса о различных манорах, захваченных крестьянами у местных феодалов, в том числе и у него самого. В общей сложности количество захваченных маноров достигает нескольких десятков. Баус называет шесть крупных землевладельцев, «пострадавших» в результате нападения на их маноры «мятежных крестьян». У каждого такого землевладельца маноров было по несколько, а у некоторых свыше десятка.

⁴ J. Strupe. Annals of the Reformation, vol. I, p. II, p. 314—315.

обязанностей в отношении причитавшихся епископу земельных рент: «Чтобы они (держатели) были готовы платить все те ренты, какие ими были уплачены в Мартинов день в прошлом году». В конце прокламации даже содержалась угроза крестьянам, что если они этого не сделают, они понесут за это строгую ответственность¹. Таким образом, «северных мятежных графов» очень трудно обвинить в демократизме. В роли лидеров крестьянства они явно оказались случайно и сами чувствовали всю ложность и противоречивость своего положения.

О наличии существенных противоречий между лордами и общинами на севере во время восстания, имеется свидетельство и из противоположного лагеря. В названном выше памфлете «Обращение к обманутым подданным королевы в Северной стране» (написанном еще до бегства графов), между прочим, встречается такое место: «Часть епископства Дерхема и Ричмондшир еще не составляют всей Англии... Вы знаете, что вас на Севере не так много, что вы слабы, что у вас нет достаточно оружия и снаряжения... Ваши руководители не доверяют вам (*Your Captains not trusty you*)»². Подчеркнутые нами слова указывали на существо дела. Недоверие лордов к крестьянским общинам и было, в конце концов, тем решающим мотивом, который обусловил дезертирство графов.

Графы бежали в Шотландию, рассчитывая таким путем спасти свою жизнь, а в случае перемены обстоятельств опять возобновить свои заговоры при поддержке иностранных сил. Но на «народ Севера» бегство феодалов произвело удручающее впечатление.

Многие крестьяне искренне проклинали их, когда правительственные репрессии обрушились всей тяжестью на оставшихся простых людей, в какой-либо степени оказавшихся участниками движения³. Правда, беглецы-лорды тоже мало что выиграли от бегства за шотландскую границу. Регент Шотландии Мэррей (родной брат Марии Шотландской, постоянно, однако, интриговавший против своей сестры) задержал беглецов и согласился выдать их английскому правительству. Графу Вестморлендскому при этом все же удалось бежать из Шотландии во Фландрию, где он потом и жил в течение 30 лет, так и не получив разрешения возвратиться в Англию. Граф Нортумберлендский был вместе с другими «мятежниками» выдан шотландцами английским властям и затем казнен в Йорке в августе 1572 г.⁴

III

22 декабря 1569 г. на Севере уже начались первые казни участников восстания. «Некоторые из наиболее развращенных мятежников мною будут казнены публично для примера другим. Общее число их еще мне неизвестно, но думаю, что их будет не менее 600 или 700, самое меньшее. Это будут простые люди (*of the common sorte*), не считая захваченных пленных, которые находятся в тюрьмах»⁵, — писал Сессекс Сесилю, приступая к кровавой расправе. Число захваченных в плен Сессекс определял в 1000 человек пехоты и 400—500 человек конницы⁶. В конце декабря начались массовые аресты среди населения. Арестовывались не только непосредственные активные участники восстания, но все мало-мальски

¹ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 98.

² J. Strype. Annals of the Reformation, vol. I, p. II, p. 339.

³ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 163. Письмо Бауса от 23 января.

⁴ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 301—304, 323—336.

⁵ Там же, стр. 121—122.

⁶ Там же, стр. 122.

оказавшиеся в соприкосновении с восставшими. Например, в Дерхеме были арестованы и некоторые горожане только за то, что они «из-за любопытства» пришли слушать мессу, которая была отслужена в Дерхемском соборе 14 ноября¹.

Созданный специально для расследования виновных в мятеже военный суд, во главе которого в качестве Marshall of the army или профоса был поставлен Баус, действовал со страшной жестокостью в Ричмондшире, Дерхеме, Кемберленде и других районах Севера, совершая массовые казни в каждом наиболее крупном селении — мелких городах и торговых селах (townes and the market villages). На запрос из Лондона, сколько всего было казнено Баусом, последний отвечал, что предположено было казнить свыше 700 человек, а сколько в действительности было казнено, он затрудняется сказать, потому что, кроме него, казни производил сам Сессекс и другие назначенные последним лица и что казни происходили не в одном, а во многих местах². Из ответа Бауса, во всяком случае, ясно, что число казненных за участие в «мятеже», намного превышало намеченную цифру. Общее число арестованных по делу «мятежных графов» Баус определял в 11—12 тыс. человек (!), которые потом получили амнистию с условием уплаты каждый определенного штрафа³.

В январе-феврале 1570 г. (по старому календарю, еще 1569 г.) тюрьмы на севере были переполнены. Особенно много содержалось заключенных в Дерхемской и Карляйльской тюрьмах. В одном из сохранившихся списков число заключенных в Дерхемской тюрьме, предназначенных к казни, определено в 545 чел.⁴. Интересен социальный состав казненных. Большая часть их — крестьяне, горожан (из жителей Дерхема и др.) всего несколько десятков человек. Если учесть, что около ста дворян было исключено из амнистии⁵, в общем выходит, что число казненных джентльменов составляло явное меньшинство, по сравнению с массой простых крестьян-держателей, потерявших свою жизнь в результате правительственных репрессий.

По другим спискам, относящимся к разным пунктам Севера, в которых восстание было наиболее широким, можно заключить, что власти казнили «для примера» от 25 до 30% общего числа арестованных. Так, по четырем сотням (wardes) Дерхема было привлечено 794 чел., казнено 194⁶. В Ричмондшире было привлечено 1241 чел., казнено из них 231 чел.⁷.

Характерно, что из Лондона и сама королева и Сесиль неоднократно писали Сессексу, выражая негодование тем, что «наказание» происходило слишком медленно. «Я получил вчера письмо от двора, из которого заключаю, что ее величество весьма удивляется, что казни виновных еще не закончены», — писал Сесиль Баусу 19 января⁸. Несколько позднее,

¹ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 262—263.

² Там же, стр. 187—188. Из отчета Бауса.

³ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 187. Ср. p. 162—164. Письмо Бауса от 23 января 1570 г., где он называет точную цифру 600 человек, лично им казненных. Обычно английские историки (Поллард, Рейд, Блэк) называют цифру 800 для всех казненных во время восстания 1569—1570 гг. Эту цифру нужно считать лишь приближенной и минимальной.

⁴ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 133—134.

⁵ Там же, стр. 263—274. Текст билля об опале (Bill of Attainder) 1571 г. в отношении участников восстания 1569—1570 гг.

⁶ Там же, стр. 135.

⁷ Там же, стр. 143—144.

⁸ Там же, стр. 159. Характерна инструкция Сесилия, отправленная Северному совету и рекомендующая применять при допросе «мятежников» пытку голодом. Там же, стр. 127.

весной 1570 г. политические суды с многочисленными казнями происходили в самом Йорке ¹.

Массовые казни и грабежи южной армии делали положение крестьян Севера совершенно невыносимым. Многие крестьяне скрывались в лесах, горах, болотах. Некоторые бежали в западные марки — Кемберленд и Вестморленд, где в феврале поднял восстание еще один лорд, Леонард Дакр, и раньше находившийся в тайных сношениях с графами Нортумберлендским и Вестморлендским, но умевший в течение долгого времени скрывать это. Укрепившись в одном из своих замков Наворт (недалеко от Карляйля), Дакр поднял восстание, используя частью местных крестьян Кемберленда и Вестморленда, частью шотландцев, частью крестьян-беглецов из Ричмондшира. У него оказалось около 3 тыс. вооруженных человек — частью конницы, больше пехоты. 20 февраля на р. Гельт произошло сражение войск Дакра с правительственными войсками, которыми командовал «кузен королевы» лорд Хендсон. Битва была очень ожесточенной («*Pugnatum sane utrimque acriter*») ². Сражение кончилось поражением недостаточно организованных и плохо вооруженных войск Дакра, хотя он и имел численный перевес над правительственным войском. Дакр бежал с поля сражения. Ему удалось потом пересечь шотландскую границу ³. Из Шотландии он бежал в Нидерланды, где и умер в 1573 г. ⁴.

Так закончилась неудачей и эта вторая попытка восстания, являвшегося в известной степени ответом на террор правительства в Северных графствах в конце 1569 — начале 1570 гг.

Северный край был разорен и терроризирован. Нормальная экономическая жизнь в крае на известное время прекратилась. Положение севера было похоже на положение страны, которая была завоевана и опустошена внешним неприятелем. Даже представители господствующих классов и гражданской администрации севера вынуждены были признать жалкое и отчаянное положение Северных графств в результате того разгрома, который был произведен здесь самим правительством.

4 января Дерхемский епископ писал в Лондон: «Страна находится в великой нищете. Шериф Дерхема пишет мне, что он не может составить жюри (для суда присяжных), потому что число обвиняемых больше числа тех, которые считаются невиновными» ⁵.

Шериф Йоркшира сэр Томас Гаргрейв писал через месяц тому же Сесилию: «Громадное число обвиняемых бедных людей (*A great number of the offenders being meane men*) находится вне своих деревень и не является в свои дома» ⁶. Гаргрейв предлагал прекратить практику военных судов, так как в его графстве уже казнено свыше 500 человек (*above 500 of the poore sarte*) и заменить казни взиманием с виновных штрафов ⁷. Наконец, сам Сессекс, один из организаторов карательных экспедиций в Северном крае, в весьма пространном письме Сесилию от 1 января 1570 г., констатировал, что южная армия вела себя на севере, как в завоеванной стране. Отряды королевских войск ездили по селениям и грабили, беря у населения все, что им понравится. «Народ ограблен самым жал-

¹ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 225—230 В марте и апреле 1570 г в Йорке было казнено 11 чел., в октябре — 36 чел., большинство последних — дворяне

² *Sam de p. Annales. Londinii, 1625, p. 171.*

³ Там же, стр. 172.

⁴ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 222—223

⁵ Там же, стр. 135. Письмо Сесилию от 4 января.

⁶ Там же, стр. 171—172. Письмо от 4 февраля.

⁷ Там же, стр. 173.

ким образом. Обещание королевы об амнистии не выполнено... Никакого обеспечения безопасности и имущества (для тех, кому была обещана амнистия) не имеется»¹. Только 4 марта 1570 г., в значительной степени под впечатлением выступления Дакра, Елизавета выпустила новую прокламацию об амнистии. Характерно, что в этой прокламации королева констатирует, что в выступлении Дакра настоящие джентльмены (по *gentlemen of bloody or estimation*) не участвовали². Это лишний раз подтверждает факт быстрого отхода от восстания на севере феодальных элементов, превращения его в поздней фазе развития в более однородное крестьянское движение.

Характерно еще одно распоряжение Елизаветы относительно расправы с участниками движения 1569—1570 гг. Правительство предписывало, за отдельными исключениями (т. е. тех, кто был исключен из амнистии), не казнить землевладельцев и богатых людей (*among whom you maye not execute any that has the freehold or noted wealthy*), — предполагая наказывать их путем конфискации имущества³.

Громадные списки конфискованных земель были приложены к биллю об опале 1571 г., по которому должны были потерять свое имущество свыше сотни крупнейших дворянских фамилий Севера⁴. Фактически эти земли были захвачены в казну еще в 1569 г. и частью вскоре же пожалованы фаворитам Елизаветы. Большое количество земель «в возмещение убытков» получил Баус, сыгравший в период расправы с беззащитными повстанцами роль «палача королевы»⁵. Некоторые историки сравнивали «выгоды», полученные Елизаветой в результате подавления северного движения с выгодами от секуляризации монастырских земель, полученными в свое время Генрихом VIII⁶. Во всяком случае, подавление второго Северного восстания еще более открыло дорогу на север дельцам и предпринимателям из среды нового дворянства южных графств Англии. Многие местные северные фамилии исчезли в результате террора 1570 г. Их место заняли представители лойяльных протестантских джентри. Йоркшир ко времени английской революции превратился в опору Стюартов. Сюда, на Север, в Йорк стремился Карл I в поисках помощи против «мятежного» Долгого парламента. И йоркширское джентри сыграло немалую роль в гражданской войне 1642—1649 гг., являясь одной из основных сил, которую кавалеры широко использовали в борьбе с парламентом. Обязанное своими земельными владениями короне, пришедшее дворянство Йоркшира поддерживало короля в конфликте с теми элементами, спрыском которых оно являлось само.

* * *

Северное восстание 1569—1570 гг. имеет большое историческое значение. Английское крестьянство ярко продемонстрировало свои революционные возможности, готовность к борьбе, стремление расправиться с эксплуататорами-притеснителями. То обстоятельство, что в движении 1569—1570 гг. народные массы Севера, борясь по существу против фео-

¹ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 130—133. Сессекс — Сесилию от 1 января 1569—1570 г. В том же духе о насилиях южной армии, «не разбирающей ни правого ни виноватого», писал в Лондон и Сэдлер (там же, стр. 127).

² J. Strype Annals of the Reformation, vol. I, p. II, p. 325.

³ Sharpe's Memorials of the Rebellion of 1569, p. 143—144.

⁴ Там же, стр. 263—274, ср. стр. 168.

⁵ Там же, стр. 162—164 и 383—384.

⁶ R. R. Reid. The Rebellion of the Earls, 1569, p. 200; ср. J. E. Neale, Queen Elizabeth, p. 189—190.

дализма, выступали в союзе с феодальной знатью, составляло трагедию этого восстания и в значительной мере обусловило неизбежность его поражения.

Известно, что «распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия..., либо пролетариат»¹. История нашего времени наглядно доказывает, что под руководством рабочего класса крестьянство действительно способно освободиться от всякой классовой эксплуатации и прийти к свободной жизни. История более ранних периодов показала, что и буржуазия в некоторых случаях и при некоторых благоприятно складывающихся исторических условиях может руководить крестьянством в его антифеодальной борьбе и иногда помочь ему достигнуть освобождения от феодального рабства, получить землю как основное средство производства. Но, выступая под руководством буржуазии, крестьянство никогда не достигало полной свободы от эксплуатации. Пример французской буржуазной революции достаточно свидетельствует об этом. Действительно, после революции XVIII в. французское крестьянство попало в экономическую кабалу к своему союзнику. Английская буржуазия в период революции проводила в отношении крестьянства довольно ограниченную политику. Она использовала крестьянство как союзника, как один из резервов буржуазной революции, но не предоставила крестьянам земли и фактически создала условия для обезземеления крестьянства в следующие после революции десятилетия. Но английская буржуазная революция расчистила дорогу для капиталистического развития, обеспечила дальнейший рост производительных сил страны.

Иное дело, когда крестьянство блокировалось с реакционными классами, со своими естественными антагонистами — феодалами. Неизжитые феодально-патриархальные отношения в таком случае создавали лишь вредные иллюзии, прикрывающие непримиримые по существу классовые противоречия. Феодальная аристократия органически не может вести за собой вперед народные массы, так как она не может отказаться от феодализма, который, даже в «мягких», «патриархальных» формах, жестоко эксплуатирует крестьян. Крестьянство в таких случаях лишь бесплодно расточает свои силы. Результатом такого противоестественного блока обычно бывает неизбежное поражение. Крестьянам в конце концов приходится своей кровью расплачиваться за все иллюзии и ошибки.

Северное восстание в Англии в 1569—1570 гг. является в этом отношении убедительным историческим примером.

¹ В. И. Ленин. О продовольственном налоге Соч., т. 32, стр. 339.